

Лондон 1780 год.

Удушающий смог нависал над разросшимся каменным монстром. Из-за чего итак непроглядная ночь, казалось еще более темной. Лондон – самопровозглашенная столица этого мира, со свойственной ей цинизмом и прагматизмом всасывала людей в свой омут и перемалывала тех, выдавливая до капли тот живительный нектар ради одной цели: стать больше, стать могущественней и собирать, собирать свою жатву, пока не останется никого несопричастного.

Даже сейчас этот муравейник жил своей жизнью. Шум и гам человеческих голосов раздавался отовсюду – суетливые зеваки, спешно перебирающие ногами в своих ежедневных заботах, даже и помыслить не смели, что там высоко за вершиной кирпичных изваяний могла решаться их судьба – цепь случайных событий разорвавших на клочья, как какое-то лоскутное одеяло грядущую историю. Кто-то бы мог сказать, что это слишком громкие слова, присущие разве что последним пустомелям. Но к сожалению, даже они не передавали и толики того смысла, что скрывалось в тех событиях, перекроившие жизни всех людей и накинущие рабелепную удавку на их шеи, не оставляя иного выбора, кроме как покорно встать на рельсы, по которым несли локомотив, держащий путь в никуда, в холодную пустоту.

Так что же такого могло происходить? Один за другим десятки тусклых огоньков пронзали непроглядную мглу ночного Лондона. Еле различимые силуэты различных животных, сотканые, казалось бы, из чистого света, сошедшего прямо с небес, как в какой-нибудь детской сказке, рыскали то туда, то сюда. Они прыгали так высоко, словно хотели укунить луну и слизать звезды с черной ночной вуали, но тут же невесомой поступью приземлялись на черепичные крыши кирпичных громадин, выбивая, всплески блестящей пыли. То и дело звери останавливались, вертели головой в разные стороны и недовольно пыхтели не найдя то, или вернее кого они так упорно искали.

Лишь единицы обратили внимание на – чудо. Одним таким счастливчиком стал Олден Барбонби – искалеченный старик, ныне обычный калека, в чей несчастной жизни разве, что и оставалось, как заливать за воротник, опустошая одну бутылку за другой в надежде заполнить, ту дыру в своей душе и облегчить свою застарелую боль и вспоминать – вспоминать свою молодость, былую мощь своего тела и море. Такое прекрасное и необъятное, и одновременно опасное. Барбонби не понаслышке знал, что мир больше и таинственней, чем знают даже самые ученые мужи. На службе его величеству, капер видел и не такое, за кружечкой дрянного пива, любой мог развязать ему язык и послушать его байки.

Морские пучины подобно легендарному сундуку Пандоры скрывают и не такое. Вечно голодные кракены, невозмутимые Левиафана и жаждущие мужской плоти русалки – это меньшее, что довелось лицезреть Барбонби. Старые, ноющие шрамы и отсутствующая нога вот, что напоминало ему о былых временах, порой в хмельном бреду ему казалось, что голодное чудовище, которого просто не могло существовать, откусывает ему еще одну конечность, как она скользит по его влажному тугому пищеводу и переваривается в его желудочных соках.

И вот на его век выпало ещё одно необъяснимое.

- Ангелы! Эк, люди! Люди! Это же ангелы! – Барбонби вскочил и начал скакать на оставшейся ноге, опираясь на грубо, вырезанный костыль. - Я здесь, заберите меня, эк. Я давно готов.

- Иди проспись, старый дурак. Только послушайте! Аха-хка. Этот забулдыга увидел ангелов. И где же они эти твои ангелы.

Барбонби зло сощурился и сплюнул в сторону столь неприятной ему женщине и снова посмотрел вверх. Потоки яркого света кружили над их головами. Заворожено он смотрел и пытался вспомнить видел ли он такое прежде. Да, в далеком прошлом. Тогда он был лишь обычным юнгой на корабле Марболо под началом капитана Корноула. Флот адмирала Томаса Мэтьюза выстроился в рейд в Тулоне. Перед самым сражением Барбонби видел такой же свет, только он, так же, как и сейчас. Удача сопутствовала ему в тот день, проклятым испанцам не удалось отправить его в бездну, что не скажешь о его товарищах и самом капитане Корноуле.

В этот момент Барбонби заметил, что-то странное. Угольно черная дымка скользила вместе со светом, поглощало его, распространяла свои ядовитые щупальца в стороны и тут же отстранялась, обжигаясь от ярких вспышек.

- Плохой знак! - тихо пробормотал Барбонби. - Адские ворота разинулись по наши души

Неожиданно все прекратилось, словно кто-то щелкнул пальцами и расторопные слуги мигом задернули занавески. Барбонби проморгался и помотал головой. Ничего. Оглянувшись он увидел всю ту же самую картину: извечная грязь вперемешку с дерьмом, похоть и нищета.

Вот хромой фонарщик ковылял к еще одной керосиновой лампе, подвешенной на высоком столбе, мимо него пробежала босота - грязные и несчастные оборванцы, думающие лишь о том, где бы раскинуть свои кости на эту ночь, либо же растратить все свои последние гроши на выпивку и распутных девиц. И как же можно забыть о самой крупной рыбе в этом болоте - констеблях. Один из них - тучный и крупный мужчина расхаживал своей переваливающей походкой, расталкивая своим необъятным телом окружающий люд, то и дело, прикрикивая на самых не расторопных, иногда даже не стесняясь подвешивать тем смачных пинков.

- Именем его величества вводится комендантский час, повторяю вводится комендантский час, - кричал он зычным, хриплым голосом. От любого движение на его бычьей шеи, перетянутой тугим воротником, тряслись сальные подбородки. Весь его вид напоминал больше не человека, а какого-нибудь озверевшего от вседозволенности шарпея, которого спустили с цепи хозяева. Увидев сидевшего на холодной брусчатке нищего слепого, тот с отвращение сморщился в свои пышные подковообразные усы и с силой пнул по лежащей глиняной миске с пригоршней монет. - Возвращайтесь в свои норы, помойные крысы. Всех! Слышите меня? Всех кто буде замечен на улице после десяти...

- А не пойти ли тебе в пекло, боби! - из группы молодых людей шаткой походкой вышел рыжеволосый растрепанный мужчина. Его лицо полное синяков и кровоподтёков было искривленно в оскале, изуродованным застарелой злобой. Примкнув к бутылке губами он стал жадно глотать свое вонючие пойло. Знатоки с района Уайтчепелла сразу бы определили столь родной для этих мест самогон, который умудряются гнать здесь местные умельцы. Алкоголь лился мимо его рта, заливая его разинутую на показ грудь. В миг, опустошив свою бутылку, тот с ехидством посмотрел на нее и кинул прямо в голову констеблю. Долетев до неё та с громким дребезгом разбилась, орошая землю осколками.

Пошатнувшись от неожиданности толстяк, выхватил из ножен саблю размахивая той в стороны: „Кто? У какого ублюдка хватило смелости?“

- Аххаха, сюрприз, сука. Убери заточку боби. Напугал, я аж в портки напустил, - обедев толпу взглядом, мужчина попытался сделать шаг ближе, но его тут же удержали другие люди. - Вот он я, полюбуйся. Отпустите меня, - вырвавшись из крепкого захвата, он продолжил. - Ох, где же мои манеры. Нас же в кои-то веке удостоила столь важная персона! - неуклюже тот по клоунски раздвинул руки в сторону и присел, явно изображая так называемых людей из

высшего общества. – Данал О’Коннелл, к вашим услугам, сер. Меня тут все знают! А ты легавый... а ты, ты тут чужой... и один. – по ходу выпрямляясь он медленно и привычно плавно заводил правую руку за спину.

- Утихни, Батчер. – перехватив руку „рыжего“ какой-то здоровяк грубо притянул его к себя, так близко, чтобы никто не смог их услышать. – Тебе выбили последние мозги, Батчер? Лондон переполнили „омары“, ты хотя бы подумал, что они здесь устроят, если у нас тут пришлют легавого. – зло шипя, почти плюясь в лицо „рыжему“ говорил мужчина.

- Да как вы посмели, поднять руку на подданного короны. Повесят! Вас всех тут повесяаааат!
- визжа, как свинья и трясаясь словно пудинг, констебль размахивал своей саблей.

Неожиданно его сбила с ног белая собака. Чуть больше средних размеров, гладкошерстная гончая, неслась по улицам Лондона с поразительным изяществом и грацией. Её движения были стремительны и точны – расчетливо точны.

Пожалуй, если бы кто-нибудь всё же обратил на неё внимание, то смог бы заподозрить что-то необычное – удивительно необычное, если уж говорить точнее. Собака остановилась в отдалении и со смеющимся прищуром, смотрела, как плюхнулась огромная туша этого странного для неё человека в нелепой одежде, как зычно смеется один одноногий старик, и как в их перепалке доносились до неё непонятные выражения и претензии: „Вы защищаете католиков, этих псов!“

Ей было не понятно кто это такие ваши католики и почему их пытаются защищать, да и сравнение с псами для неё было не особо понятно. Её вот, например всё устраивало, даже больше – она рьяно гордилась быть такой, какая она есть.

Пробегавший мимо мальчишка, растянувший губы в щербатой улыбке, попытался погладить её, за что тут же чуть не заработал укус. Нарычав на него и отпугнув, собака больше не смеялась тратить время за наблюдением за глупыми людьми забежала в ближайший пустой переулок, осмотрелась, по-свойски пообеда окрестности хозяйским взглядом и недовольно фыркнула.

Поддев валяющуюся на земле газету, со скучающим взглядом, она перелистывала грязные страницы. Собака читала! Да не просто читала: лаяла и поскуливала, будто комментируя и строила рожи – показывая свои эмоции.

Видимо устав и от этого собака схватилась зубами за газету и начала мотать головой, разрывая ту на клочки, после чего гневно фыркнув, потопталась на ней, выражая свое презрения либо к новости, либо же к стилю написания статьи с оформлением и бог знает чего ещё. Кто его знает, какие могут быть вкусы у такой привередливой публики, как начитанные собаки.

Не понятно из-за чего собака вдруг встрепенулась, прекращая свое, безусловно, занимательное дело. Она оглянулась на вход в переулок, тут же ловко подпрыгнула в сторону огромной кучи строительного мусора, юрко попыталась залезть под него, но, увы! Застряла, и застряла так, что теперь совершенно не понимала, как ей теперь вылезти. Нонсенс! Небылица! Она и попала в подобную неловкую ситуацию.

- Кхе-кхе, ужасно выглядите леди Де Дюран. И как вы только умудрились, не разрешите ли узнать? – за спиной собаки... или уже так называемой леди де Дюран раздался каркающий мужской голос.

- Гав-гав-гав-гав! - из под завала раздался злой собачий лай.

Аха-аха, кхе-кхе. - мужчина засмеялся и тут же надсадно закашлялся, хватаясь за грудь, залезая рукой под плащ и вынимая... палочку. Казалось бы, он взял обычную ветку от дуба, отшлифованную и смазанную в каком-то лаке и взмахнул ею. Зачем? С какой целью?

Словно закрывая все вопросы и ставя над ними штамп „несущественных глупостей“, весь строительный мусор взлетел и откинулся в сторону со страшным грохотом, освобождая неудачную пленницу из позорного заточения.

- Не бойтесь, леди Де Дюран. Нас никто не услышит. Здесь нас никто не найдет. - растягивая слова тихо проговорил странный мужчина. - Может, вы уже покажитесь или прикажите мне разговаривать с собакой?

- Рыыы! - зарычала... леди Де Дюран.

- Не стоит злиться. Между прочим, я всегда рад гостям... особенно столь необычным. Француженка в Лондоне! В наше беспокойное время. - в своей спокойной манере продолжал говорить мужчина, наблюдая за тем как собака превращается в женщину, точнее в молодую девушку в потрепанной богато разукрашенной мантии. Стоит ли сказать, что она была красива. Светлые длинные растрепанные волосы, аккуратно обрамляли её лицо. Яркие и голубые глаза притягивали взгляд своей живостью и очевидно ярким умом. Одно лишь портило весь ансамбль: следы грязи и кровоподтёков.

- Это ведь из-за вас авроры устроили целые баталии, ищейки рыщут по всему Лондону в поисках одной маленькой собачки. - немигающим взглядом мужчина смотрел прямо на неё сверху вниз.

-Томас!

- Да, леди Де Дюран, внимательно слушаю. - прервал он её. - Что же привело вас к порогу моего дома.

- Не время, Томас. У меня срочное донесение до лорда! - с отчетливым французским акцентом сказала девушка.

-Ах, донесение. И что же одна маленькая пташка нам принесла. Хорошая весть, аль плохая. В былые времена участь гонцов приносящих скверные новости была, ох незавидной. - произнес он с улыбкой с какой обычно хотят произвести хорошее впечатление, но которая совершенно не подходила к его лицу, вызывая больше опаску, чем благосклонность.

- Эти вести не для твоих ушей, Томас Крайтон. Проведи меня к Лорду немедленно. Твоя голова полетит первой, если он всё не узнает.

Между ними повисло долгое и тягучие молчание. Напряженные секунды длились вечность, пока Томас Крайтон смотрел на неё по-прежнему не мигающим взглядом. Его черные глаза вызывали у неё вполне обоснованный страх. Это был опасный и жестокий человек, непредсказуемый, сам себе на уме, как говорили те, кто был с ним знаком. Никто не мог сказать, что взбредет в его голову в следующую секунду.

- Значит хочешь попасть к Лорду, что же для начало пройдем в мою скромную обитель. - обернувшись к ней спиной Томас подошел к стене и начал выстукивать палочкой по кирпичной

кладке.

Леди Де Дюран не отводя взгляд следила за действиями Томаса. Стена начала крошиться, казалось весь дом шатался и вот-вот разойдется по швам, кирпичи с ужасным треском продавливали друг друга. Громкие звуки играли на её нервах, как на арфе. Напряжение росло, заставляя её нащупать в мантии палочку.

И вот проход открылся. За спиной Томаса разил черный провал, стоило ей представить, что это огромная тварь открыла свою пасть, чтобы заглотить их целиком, как в проходе вспыхнули свечи, освещая лестницу, спускающуюся глубоко вниз.

- Прошу, леди Де Дюран. – оборачиваясь к ней боком, Томас показал палочкой на вход. – Нам стоит многое обсудить.

- Что ты Моргана тебя побери такое удумал. Это предательство? – резко сказала она

- Леди Де Дюран, вы знаете, что в этом городе никто не служит одним хозяевам.

- Если Лорд узнает...

- Если узнает!

- *Pungentes acus!* – Де Делюр не задумываясь ни на секунду, вспорола карман своей мантии и направила палочку на этого человека, явно желая выколоть ему глаза. Слова, заученные наизусть, вбитые в подкорку сознания лишь с одной целью принести мучительную смерть своим врагам были произнесены быстро и четко. Движения, стойка, всё говорило, что она потратила кучу времени ради опыта, ради мастерства. – *virusus spargit*

Но все усилия прошли прахом. Томас Крайтон лишь взмахнул рукой в сторону, с видом человека, отгоняющего докучающую ему мошку. Оба заклинания, а это были именно они. Он перенаправил в сторону. В качестве доказательств от кучи мусора раздался звук, словно в неё на большой скорости вонзилось куча иголок. После же чего от неё повалил едкий, горький дым, разъедаемых помоев.

- *Dominus corpus*, Леди Де Делюр. Думаю нам пора закончить эту не нужную возню.

Все её тело замерло и взмыло вверх, после чего опрокинулось в конвульсиях. Палочка почти сразу выпала из её рук, но она даже и не думала об этом. Единственным её желанием было сейчас сделать хотя бы один глоток воздуха. Её легкие жгло, из глотки доносились лишь неясные хрипы, а по лицу лились горячие слезы.

- Не забывайте дышать, Леди Де Делюр. – сказал Томас, пока тело женщины левитировало к нему. – Знаете, многие люди считают, что потерять контроль над своим телом одно из самых страшных вещей в мире. Сомнительное утверждение, как по мне. Не стоит понапрасну лить слезы. – вытирая платком её лицо проговорил мужчина. – Лучше всего вам сейчас будет немного поспать, а после... а после, как я уже говорил у нас будет долгий и я надеюсь продуктивный разговор. Выпейте это и спите, Леди Де Делюр, спите...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/82966/3174410>